

УДК 33(075.4)

БУДУЩЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Лемещенко П.С., д.э.н., профессор,
зав. каф. международной политической экономии
Белорусский государственный университет
г. Минск, Республика Беларусь

Нынешний этап эволюции с особым напряжением высветил накопление структурных противоречий, базовых для мировой системы, поставивших под сомнение устойчивость или целостность мир-экономики, ее способность к действительно устойчивому развитию. С нашей точки зрения сегодняшняя ситуация, с одной стороны, достаточно тревожная из-за своей неопределенности, поскольку поставлена под сомнение судьба самого Человека и даже человечества. По крайней мере, однозначно можно утверждать, что нынешняя европейская (!) цивилизация уже даже сейчас не похожа на ее черты даже тридцатилетней давности. Тем более будущее этой цивилизации по результату фундаментальных изменений никак не просматривается. Не подлежит почти сомнению, что мир уже не будет прежним. Но каким он будет? Каков его образ и какая наука, хотя в первом приближении описывает его? Какова роль стран «больших» и стран «малых»?

Прежде всего в мир-системе нарушился социальный контракт как между странами, которые начали выстраивать отношения по двойным или тройным стандартам. Если в послевоенное время нормы международного права были доминирующими для всех стран, то некоторые страны даже ввели официально в свои национальные правовые системы положение о приоритете своих внутренних норм. Сила права превратилась в право силы, что начало подкрепляться ростом затрат на вооружение почти всех стран мира. Причина такого положения дел заключается в том, что утрачено лидерство и авторитет основных игроков на планете, а борьба за такой статус, как свидетельствует история, сопровождается утратой доверия даже к странам-соседям. А если главные арбитры мира не могут обеспечить безопасность, то страны наращивают вооружен-

ные силы. Глобальный капитал на своей понижающей волне привел к серьезным негативным результатам, который надо сначала понять, принять, а потом и исправить, исходя из осознания необходимости в целостном и бесконфликтном существовании и развитии мир-экономики. «Продукты распада» глобального капитала даже региональных образований порождают крайне опасные отрицательные эффекты для стран и их граждан. Особенно страдают от этого граждане менее сильных и влиятельных стран. Однако с большим сожалением следует признать ранее высказанный тезис о том, что война – это продолжение политики другими средствами. Сегодня, как уже подсчитали, для восстановления Сирии необходимо примерно около 630 млрд. долл. В условиях переизбытка, перенакопления капитала это весьма внушительный размер для высокорентабельных вложений при сложившейся тенденции падения нормы доходности по ценным бумагам и по депозитам. Как показывает история, это крайне опасная предпосылка для мир-системы...

Политико-экономическая система имеет свойства геоместаса, реализуя потенциал к развитию, если она обеспечивает, как говорил В. Ойкен, интердепенденция порядков, т.е. органическая взаимосвязь и взаимообусловленность порядка социального, природно-экологического, технического, нравственного, политического, экономического, правового. Иначе говоря, все нормы этих порядков или сфер согласуются в явном не явном виде через призму деятельности неформальных и формальных институтов. Например, капиталы определяют свою деятельность и стратегию руководствуясь нормой равновеликая прибыль на равновеликий капитал. Этап финансизации и глобализации эти порядки рассогласовал, что создало эффект разрушения системы с негативными последствиями.

Во-первых, инновационно-производительные силы и предпочтения капитала как базовое основание для его деятельности и, соответственно, прибыли сместились к рентной мотивации и таким сферам внедрения, как наука, образования, культура, социальная жизнь и пр., нарушая свойственные для их развития нормы. Глобальная рента вышла на первый и главный уровень дохода, что подрывает главное – внутреннюю дестимуляцию и разрушение доверия на разных уровнях социально-экономических отношениях между странами. Во-вторых, международные институты для современной экономики стали доминирующими, что позволяет их участникам

также извлекать институциональную ренту, перераспределяя мировой ВВП. Последние десятилетия, однако, показывают необходимость перестройки этих институтов. В-третьих, современные производственные и отношения общения пронизаны психополитическим и информационным империализмом с соответствующими результатами. Пандемия усилила в значительной степени эти проявления, добавив рост национально-государственного эгоизма и отчужденности от остальных. В-четвертых, кризисность сегодня – это условие функционирования глобального капитала. В-пятых, под влиянием политико-правового волюнтаризма произошло «подавление» естественных экономических законов развития (!). Следствие этого – ненужность политэкономического знания и, естественно, политэкономов, которые пытаются открывать экономические законы функционирования и развития систем. Волюнтаризм стал характерным явлением текущего дня. В-шестых, риторика о совершенной конкуренции никак не остановила монополизацию мирового рынка и особенно науки, рынка высоких технологий и информации в целом. Например, страны-лидеры в 2015 г. имели на млн. населения 5131 исследователей и получили от экспорта интеллектуальной собственности 15279 млн. долл. в то время как страны потенциальные лидеры соответственно 2712 чел. и 614 млн. долл., страны-последователи – 1180 чел. и 63 млн. долл., а страны периферии лишь 230 чел. и 12 млн. долл. Республика Беларусь на миллион населения имела за 2005–2015 гг. 1196 исследователей и получила в 2015 г. от экспорта интеллектуальной собственности 23 млн. руб. Поэтому, кроме всего прочего, возникает институциональный конфликт в виде когнитивного отчуждения стран друг от друга и их информационно-статусное неравенство. Наконец, в мир-экономике проявилось в полной мере нарушение многих элементарных человеческих и других прав личности, а также прав частной собственности. По сути, это то, о чем говорил К. Маркс в свое время и П. Кругман, Дж. Стиглиц, анализируя современный общий кризис капитализма. Накопленную собственность личным трудом или через систему капитала почти невозможно сохранить, что поставило под сомнение смысл человеческой деятельности. Чтобы расширить понимание экономистами собственности и связи ее с индивидом, напомним, что Гоббс видел основание естественного права в инстинкте самосохранения человека, а Локк представлял собствен-

ность как продолжение индивида и, будучи господином над самим собой, заключает в себе великую основу собственности. Мы же, начиная рыночную реформу, очень сильно вульгаризировали проблему собственности: моя – не моя материальная субстанция. При этом все-таки нашлись люди, которые интуитивно поняли, что приватизировав власть, денежные активы, вы станете собственником и остального. Предложенные чеки были блестящим маневром отвлечения большинства населения от истинности проводимой реформы. Заинтересованные люди «от науки» активно способствовали этому явлению своими памфлетами. В рамках нашей темы мы этим хотели бы подчеркнуть фактор возможной при некоторых условиях неэффективности экономической науки и ее апологетической функцией.

Мы живем так, как мыслим, отражая тем самым тенденции необходимого и возможного, как умеем руководить (!) государственной общественной системой, управлять фирмой, и как умеем работать, понимая как-то (?!) свое место в этом непростом миру устройстве. И это, с нашей точки зрения, главное преимущество и главное ограничение стран в отдельности и рамок тех отношений, которые существуют реально между странами и которые проектируются в будущем. Не хватает в оценке этих свойств параметров отношений державного, не узко утилитарного корыстно-государственного подхода в реализации долгосрочной стратегии развития. Очень ограниченно в этой сфере использование разработок и советов внешних экспертов. Здесь явственно фигурируют две проблемы: понимание внешними экспертами внутренних условий и институтов страны, а также явное или неявное служение чьим-то интересам зарубежных советологов. Поэтому создание в стране собственного института экономической науки с пониманием всех проблем и всего исследовательского процесса, экспертизы и пр. – исходная задача эффективной деятельности любого государства. Самоуверенность политиков в своей подготовке в искусстве государственного управления должна подкрепляться в том числе и уровнем освоения всей теоретической базы современности, пониманием той школы, которую ты представляешь, что уже дает ориентир на возможные результаты проводимой экономической политики. Принцип «здорового смысла» в руководстве страной сегодня – может быть очень дорогостоящим с потерей потенциала к развитию.

Таким образом, учитывая ограниченность человеческого знания, несовершенство его поведения, при котором чрезмерно проявляется человеческий эгоизм за счет другого и других, включая и другие целые страны, а также противоречивость практической деятельности и организации государства, робастная политэкономия институтов («робастность» – лат. «robust» – здоровый, крепкий, сильный), сохраняя классические аналитические принципы, призвана расширить свой объект исследования до институтов, устраняющих названные выше несовершенства и отрицательные свойства мир-экономики. Такова объективная необходимость – для выживания и даже для развития. Робастная политэкономия институтов призвана показать, раскрыть, во-первых, какие все-таки институты из возможных и действительных более прогрессивны, объединяющие и показывают даже гипотетические лучшие результаты исходя из признания ограниченных познавательных возможностей людей. Во-вторых, какие институты трансформируют эгоистические интересы в реализацию общих целей, не лишая мотивации индивидов. В-третьих, требует решения проблема не больше-меньше государства, а качества государственного воздействия (не регулирования, управления) на социально-экономические процессы и выработки новых общественных институтов как стабилизаторов и источников новой экономической и социальной энергии человеческой деятельности. Полагаю, алчность и конкуренция себя исчерпали в новых условиях. Ранее эти качества побуждали индивида к большей трудовой активности и достижению своего интереса в прибыли и т.д. Сегодня это ведет в область распределения, перераспределения и поиска ренты. Почему идеи Смита, Милля, Маркса, Кейнса, Гэлбрейта и др. влиятельных фигур получили не просто звучание, а практическую реализацию? Потому что они были в большей мере признаны сообществом, доминирующем восходящим с производительной точки зрения классом и поддержаны в разной форме властной элитой. Сегодня «порядок из хаоса» не является устойчивым и справедливым даже с экономической точки зрения – никто не может или не хочет сформулировать закон распределения не только богатства, но и важных для существования производственных отношений, «законов общения». Поэтому существующий и выгодный хаос для разумного человека предпочтительно заменить Диктатурой ума, а реализуя идеи «цифровой экономики» поддержать дик-

татуру таланта. У нас же доминирует диктатура даже не производительного капитала, что было в эпоху роста промышленной эпохи, а капитала ростовщического. А он, как известно, был в свое время, отвергнут как отрицательный фактор для экономики. Банковская система мира и, к сожалению, наших стран превратились в ростовщиков, взявших покровительство и над интеллектуальной и политической элитой.

В заключении можно отметить, что политэкономия – это особая сфера человеческого сознания, общей и экономической культуры, самым существенным образом влияющая на условия и, следовательно, результаты хозяйственной деятельности. Это не набор каких-то готовых догм, рекомендаций. Это, скорее метод, интеллектуальный инструмент, техника мышления, помогающая тому, кто владеет ею, приходиться к правильному решению. Перефразируя известный тезис Маркса о Фейрбахе, актуализируя современную проблему социально-экономического развития, отметим, что если ранее философы и экономисты только и делали, что преобразовывали мир, то сегодня речь идет о том, чтобы понять его.